

Надійшла до редакції 12.03.2012 р.

УДК 811. 161. 3

БЕЛОРУССКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ ХАРАКТЕРИСТИК РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ И РОЛИ ТРЕТЬЕГО ЛИЦА В СИТУАЦИИ ОБЩЕНИЯ

Н. В. Фёдорова

Государственное учреждение высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет»

Реферат. Традиционная модель речевого акта представляет собой неделимое целое и состоит из трёх элементов: адресант – текст — адресат. Принимая во внимание фактический фразеологический материал белорусского языка, мы выделили третье лицо в качестве одного из субъектов речевого акта. Анализируя особенности речевого поведения и роль третьего в аспекте белорусской фразеологии на стыке лингвокультурологии, коммуникативной лингвистики, теории речевых актов и общей риторики, мы классифицировали белорусские фразеологизмы со значением третьего лица по трём группам: релевантность/нерелевантность третьего лица в ситуации общения и третье лицо как объект коммуникации в речевом акте. Анализ и количественные показатели фразеологизмов со значением сферы третьего лица позволили нам сделать вывод, что третьему лицу в белорусской речевой культуре отведена косвенная роль в ситуации общения.

Ключевые слова: белорусская фразеология, речевое поведение, третье лицо, релевантность/нерелевантность третьего лица в ситуации общения, третье лицо как объект речи.

Сегодня в достаточно сложных условиях ситуации белорусско-русского билингвизма и в результате расширения явления интерференции становится почти невозможным осуществление процесса восприятия норм и ценностей, установок и образцов национального речевого поведения, что может привести, в конечном счете, к «кризису» белорусской речевой культуры.

Именно это явилось одной из важных предпосылок Постановления Совета Министров Республики Беларусь от 19 апреля 2010 г. № 585, где в перечне приоритетных направлений научных исследований Республики Беларусь на 2011-2015 гг. значатся: белорусская культура (язык – мифология — фольклор — литература) во всемирном контексте; белорусский язык, его история, современное состояние, связи с другими языками; речевые единицы и организация текста в белорусском и других славянских языках; этнические стереотипы речевого поведения [1]. По этой причине изучение природы речевой коммуникации белорусского народа выступает одним из необходимых условий реконструкции принципов и норм не только белорусской культуры речи, но и развития белорусской нации в целом.

В современной лингвистике произошло смещение исследовательского фокуса с языковой системы на коммуникативные процессы, что обусловлено поиском ответа на вопрос, как «в языковых единицах отражается человек во всей многочисленности своих проявлений» [2, с. 3]. Человека как объекта антропологического подхода исследования языка наиболее ярко характеризуют тексты – информа-

ционные единицы, которые создаются в процессе деятельности и речи. Одной из групп таких единиц выступают фразеологизмы.

С конца XX в. в лингвистике активизируются исследования по фразеологии в рамках разнообразных парадигм, возникают «лингвокультурологическая, коммуникативно-прагматическая и когнитивная фразеология» (М. Ф. Алефиренко), изучаются процессы фразеологизации как когнитивной процедуры [3, с. 3].

Существует значительное количество исследований, посвященных коммуникативно-прагматическому направлению, авторами которых являются Н. Д. Арутюнова, В. В. Богданов, И. Н. Борисова, А. Вежбицкая, В. В. Дементьев, Е. М. Верещагин, Т. Г. Винокур, Т. А. ван Дейк, О. С. Иссерс, В. Г. Костомаров, М. Л. Макаров, М. Ю. Олешков, Д. Остин, К. Ф. Седов, И. А. Стернин, И. П. Сусов, С. А. Сухих, Н. И. Формановская, В. Чейф, Б. Ю. Норман и др.

Основы современной теории речевого поведения, речевая деятельность связаны с научными достижениями таких ученых, как Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, Н. И. Жинкин, А. Р. Лурия, А. И. Мещеряков, Ч. У. Моррис, Дж. Остин, Д. Р. Сёрль, З. Вендлер, Г. П. Грайс, Л. В. Щерба, Е. Д. Поливанов, Г. И. Богино, Ю. Н. Караулов, И. Р. Гольперин и др.

Речевые поведение на основе фразеологических единиц (паремий, клишированных выражений) исследовали следующие ученые: на базе русских фразеологизмов (паремий): В. В. Пикалова, Р. К. Зюльдубаева, М. В. Шаманова, Хусейн М. Тума, М. Е. Дубова, Н. Г. Брагина, А. В. Данич и др.; на базе белорусских фразеологизмов (клишированных выражений, паремий): О. Ковш, Л. А. Юдина и др.; на базе других языков: Р. А. Латыпова, М. К. Атрына и др.

Несмотря на значительную разработанность сферы речи в фразеологических, паремиологических и клишированных выражениях разных языков, в том числе и белорусского, проблема многоаспектного исследования речевого поведения с точки зрения роли коммуникантов (особенно роли третьего лица в речевом акте) остаётся нерешенной. В данном исследовании осуществляется попытка всестороннего изучения и описания микросистемы третьего лица на базе фразеологического состава современного белорусского языка.

Теоретическая значимость и актуальность исследования заключается в том, что фразеологические единицы белорусского языка со значением речевого поведения и роли третьего лица в ситуации общения рассматриваются в рамках лингвокультурологии и прагмалингвистики, что позволяет говорить об антропоцентризме языка и расширить теоретические сведения по фразеологическому фонду белорусского языка.

Данное исследование было проведено в рамках Лингвокультурологической научной школы доктора филологических наук, профессора В. А. Масловой на базе УО «Витебский государственный университет имени П. Н. Машерова».

Так как фразеологические единицы, имея эмоционально-экспрессивную природу, используются чаще для оценки неадекватного, «нецелесообразного» речевого поведения человека, для нас важную роль будут играть группы фразеологизмов, имеющих наибольшее и наименьшее количество закрепления в белорусском языке, согласно логике нашего исследования – соответственно отрицательный опыт в речевой сфере и норма речевого поведения третьего лица.

Объект исследования – 60 фразеологических единиц белорусского языка со значением речевого поведения и роли третьего лица, полученные путем сплошной выборки из 14 фразеологических и фразеолого-паремиологических источников, что составило 5,4% от общего количества белорусских фразеологизмов (1064 единицы)

сферы речевого поведения, что даёт нам право говорить о косвенной речи третьего лица как одного из субъектов коммуникации.

Цель данного исследования — выявить особенности речевого поведения и роль третьего лица в ситуации общения на материале языковых единиц фразеологического уровня белорусского языка.

Для достижения поставленной цели необходимо было решить следующие **задачи**:

- выявить количественное закрепление третьего лица как субъекта и объекта речевого поведения в белорусской фразеологии;
- провести лингвокультурологический и прагмалингвистический анализ данной фразеологической микросистемы белорусского языка;
- реконструировать речевой идеал третьего лица на основе белорусской фразеологии.

Основными методами анализа фразеологизмов выступили: метод сплошной выборки, компонентный анализ семантики фразеологических единиц, элементы статистического и лингвокультурологического анализа, а также частично контекстный и функциональный анализ.

Схема коммуникативной ситуации, разработанная Р. Якобсоном [4, с.594], была дополнена Ю. В. Кназоровым, который к двум субъектам речевого акта (адресанта и адресата) добавил третьего – перехватчика, по сути, считает исследователем, «того, кто молчит». Присутствие третьего человека всегда влияет на ход общения, по этой причине его необходимо, на наш взгляд, включать в коммуникативную ситуацию.

Третье лицо (косвенный слушатель) как субъект коммуникации рассматривает Н. И. Формановская в работе «Речевой этикет и культура общения». Этикетные правила речевого поведения требуют от третьего лица демонстрации незаинтересованности в чужом разговоре, так как подслушивание считается «позорным делом для воспитанного человека» [5, с. 25]. Однако, подчеркивает исследователь, не существуют раз и навсегда принятые в обществе предписания для третьего лица. В своей другой работе [6, с.155] она добавляет, что кроме говорящего (адресанта) и слушателя (адресата) в коммуникации партнеры также выполняют роли косвенного (вторичного) адресата как активного участника общения и наблюдателя как пассивного участника общения.

В социологии, отмечает Н. И. Формановская, выделяют так называемые «авансцену» и «кулисы», когда люди регулируют своё речевое поведение в зависимости от того, находятся они одни (за «кулисами») либо на них смотрят и слышат другие люди (на «авансцене»).

Косвенный (вторичный) адресат определяется Н. И. Формановской как участник общения, к которому непосредственно не обращаются, но для которого создают дискурс / текст (например, телевизионное интервью, радиобеседа и др. или бытовые отношения, когда родители говорят между собой с учетом того, что их слышат дети) [6, с. 176].

В данном случае третье лицо выступает как активный участник общения.

Позицию наблюдателя исследователь также считает важной и характеризует его как пассивного слушателя, который не участвует в коммуникативном процессе. Одновременно он как пассивный слушатель чужой речи может принимать разнообразные решения в зависимости от того, что было им услышано [6, с. 177].

Позицию слушателя, когда адресант обращается не только непосредственно к адресату, но и воздействует на присутствующего (третье лицо), Г. Г. Почепцов, [7, с. 452]. как и Н. И. Формановская, называет позицией «косвенного адресата». Так,

например, ритуальные ситуации (венчание, вручение наград) и ситуации церемонии (принятие присяги и др.) обязательно требуют присутствие третьего лица.

Для нас роли косвенного (вторичного) адресата и наблюдателя, согласно фактическому материалу исследования, объединяются в единую позицию третьего лица.

М. А. Яколцевич при рассмотрении понятия коммуникативного пространства собеседников выделяет влияние третьего лица, в связи с чем предлагает: учитывать присутствие третьего лица во время общения в общем; уметь в нужный момент перенести разговор во времени и пространстве (пути нейтрализации третьего лица); правильно выбирать тему обсуждения в присутствии третьего лица; правильно выбирать языковые средства, избегать грубости в присутствии третьего лица [8, с 23].

Определение роли третьего лица в речевом поведении белорусов по сравнению с русскими описывает в своем исследовании Т. А. Пивоварчик [9, с 4]: «Можно предположить, что в белорусском традиционном речевом общении фактор третьих лиц играл и продолжает играть большую роль, чем в русском речевом поведении, это позволяет высказать предположение о большей регламентированности и ритуализации речевого поведения белорусов. Белорусская культура, во всяком случае в своем этикетном проявлении, развивалась как «мы – культура». Роль общественного контроля оказывалась более значимой, чем внутренние императивы (например, совесть)».

Так, специфика мышления белорусского народа в отношении третьего лица также заключается в постоянном присутствии определенного «цензора» норм речевого и неречевого поведения, в качестве которого, чаще всего, выступают представители власти: «белорусы отличаются чрезмерной зависимостью от воли и мыслей вышестоящих, официальных авторитетов» [10, с. 104].

В любом случае третье лицо очень часто оказывает влияние на результаты общения, поэтому игнорирование его роли при рассмотрении главных субъектов коммуникации считается нами нецелесообразным.

В белорусской фразеологии закрепились классификация роли третьего лица по признаку релевантности / нерелевантности во время общения, а также третье лицо как объект коммуникации.

1. Фразеологизмы со значением релевантности третьего лица во время общения.

А. Говорить в присутствии третьего лица прямо и открыто. Присутствие третьего лица в речевом акте в белорусской фразеологии закрепили такие языковые единицы, как у *вочы* (казаць, гаварыць); у *твар* (гаварыць), *адкрытым тэкстам*, *без задняй думкі* (казаць), *ва ўпор* (у 2 зн.), *вочы ў вочы* (у 1 зн.), *назваць рэчы сваімі імёнамі*, *на ўвесь (поўны) голас* (у 1 зн.), у *(на) адкрытую (гаварыць)*, у *лоб* (у 2 зн.) в значении «в присутствии кого-нибудь прямо и открыто». В этих единицах подчеркивается, что третье лицо не вызывает у собеседников чувство смущения при осуществлении ими коммуникации.

Б. Высказывание под влиянием третьего лица. Высказывание может происходить не только исходя из явных или скрытых намерений говорящего, но и под влиянием третьего лица. Этот «тип высказываний» отразился в белорусской фразеологии: *ад імя, з голасу, з чужых слоў* (гаварыць, расказваць), *на словах* (у 1 зн.), *са свае галавы, сьвязаць (пець) з чужога голасу* (у 1 зн.), *трапляць (па-трапляць) у тон* с общим значением «говорить, выступать в соответствии с чьей-либо мыслью, взглядом».

Первоначально фразеологизмы *сьвязаць з чужога голасу, з чужых слоў (гаварыць)*, по мнению В. М. Телия [11, с. 213], содержат метафору со значением

подражания пения/голоса в среде певцов. В славянской мифологии смена голоса маркировала смену определённого состояния или статуса (например, изменение голоса певцов-колядовщиков), способность получить другой голос считалось также чертой оборотней, нечистой силы, в связи с чем мы можем предположить, что такое речевое поведение осуждалось со стороны языкового коллектива.

В. Третье лицо кроме того, может стать источником достоверной информации, что закрепили такие фразеологизмы, як *з вуснаў, з другіх (трэціх) вуснаў* (чуць, слухаць, даведацца), *з першых вуснаў* (чуць, даведацца), *у вуснах* с общим значением «узнать что-нибудь от третьего лица». Интересно отметить, что здесь подчеркивается «местонахождение» информации (рот человека), а не пути ее получения.

Г. Необходимость присутствия третьего лица и наблюдателя. В белорусской фразеологии закрепились также случаи, когда коммуникация происходит не только в присутствии третьего лица, но еще и в присутствии других наблюдателей. Так, фразеологические единицы *на людзях, у міру* в значении «бывать, вести себя в компании с другими, среди людей» отражают тип речевого поведения, когда коммуниканту необходимо как минимум несколько собеседников для осуществления своего коммуникативного намерения.

Фразеологизмы *забіць трывогу, раскрываць дужкі* со значением «обращение всеобщего внимания» моделируют ситуацию, когда адресанту необходима речевая реакция (и часто конкретные поступки) не только адресата, но и других коммуникантов. Фразеологическая единица *забіць трывогу* достоверно связана, считает И.Я. Лепешев, с практикой оповещать об опасности при помощи колоколов, что было распространено на Беларуси до второй половины XX в.

2. **Фразеологизмы со значением нерэлевантності третього лица в ситуації обшчєня.**

А. Отсутствие третьего лица во время общения, как уже отмечалось, в некоторых речевых ситуациях является нормой речевого поведения (интимные, дружеские отношения между собеседниками). Это проявляется уже при анализе компонентного состава фразеологизмов *на чатыры вокі* (гаварыць, сустракацца), *сам-насам* (у 1 зн.), *адзін на адзін* (в 1 зн.).

Б. Присутствие третьего лица. К этой группе фразеологизмов мы отнесли единицы со значением «говорить шепотом, под секретом»: *з вуха на вуха* (гаварыць, перадаваць) (у 1 зн.), *з вуха ў вуха* (гаварыць, перадаваць, распаўсюджваць), *на вуха* (гаварыць, сказаць, шаптаць).

Лексема «ухо», которая присутствует в каждом из этих фразеологизмов, четко указывает на способ передачи высказывания (шёпотом): адресант должен находиться как можно ближе к адресату, не нарушая соответствующей личной дистанции, и говорить прямо в (на) ухо. Здесь явно подчеркивается наличие третьего лица во время общения, которое не позволяет коммуникантам говорить обычным образом.

Б. Очень нежелательной является ситуация, когда третье лицо нетактично вмешивается в диалог людей, что подтверждает эмоциональный оттенок неодобрительности следующих языковых единиц: *утыкацца са сваім языком, утыкаць (уткнуць) язык*.

В данных случаях язык рассматривается образно – приравнивается к твердому предмету, с которым можно осуществить определенные действия (например, воткнуть).

Г. Присутствие третьего лица может заставить собеседников сменить место разговора, что зафиксировалось в фразеологизмах *на адно слова (на два словы), на*

адну мінуту (у 2 зн.), на пару слоў, на паўслова в значенні «вызываць для очень короткого разговора».

Фразеологическая единица *пры зачыненых дзвярах* указывает на внешние факторы при осуществлении речи. Закрытые двери предусматривают, что присутствие третьего лица не только вынуждает коммуникантов выйти в другую комнату, но и закрыть дверь для полного сохранения содержания разговора.

«Кулисы» в социологии, о которых говорилось ранее, имеют непосредственное закрепление в белорусском фразеологизме *за кулісамі* (в 2 зн.), когда коммуниканты регулируют свое местонахождение в зависимости от присутствия / отсутствия наблюдателей (третьего лица).

Д. Третье лицо может выступать в качестве основного провокатора ссоры. Так, фразеологические единицы белорусского языка со значением «поссорить кого-то» подчеркивают влияние третьего лица на отношения между адресантом и адресатом: *кідаць агонь у хату, кінуць костку (косць), падкінуць (укінуць) агню ў хату, падліванне масла ў агонь* (у 1 зн.), *падліваць смалы ў агонь, укінуць ката ў хату, хахлы вязаць (звязаць)*.

Образ фразеологизма *кідаць агонь у хату*, вероятно идёт, как считает И. Крюк, к представлениям белорусов об амбивалентности огня: огонь в доме может согреть и накормить («свой», «справедливый» огонь), но может и стать причиной пожара, несчастья («чёртов» огонь). В данном фразеологизме спровоцированная третьим лицом ссора приравнивается к уничтожению семьи вербально, такие действия третьего лица отождествляли его с нечистой силой и, естественно, осуждались [12, с.18].

Фразеологизмы *падліванне масла ў агонь* (у 1 зн.), *падліваць смалы ў агонь* в своем составе имеют лексемы «масло» и «смала», которые в данных единицах метафорически уподобляются словам; единение масла, смолы и огня вызывает резкую, бурную реакцию, подобно реакции в процессе общения между двумя лицами, если третье лицо вносит разлад. С компонентом смола также связано отдельное белорусское поверье: в некоторых районах ад представлялся озером кипящей смолы (отсюда второе название ада - «смола», что встречается на востоке Полесья), которое душа человека обязательно должна пересечь по дороге на «тот свет» [11, с.11]. Слова в данных единицах отождествляются с жидкостью, которую можно лить.

Фразеологизм *бросіць (кінуць) костку (косць)* проецирует ситуацию, которую описывает И. Я. Горбачевич [13, с. 194], связывая этимологию этого фразеологизма с басней И. А. Крылова «Собачья дружба», когда две собаки, поклявшись друг другу в дружбе, поссорились из-за кости. Метафорическое отождествление поведения животных поведению людей, вызывает отрицательное отношение со стороны общества, так как обнаруживает в человеке «нечеловеческое начало» (О. В. Данич).

Интерес вызывает фразеологизм *укінуць ката ў хату* с эмоциональным маркером неодобрительности (по народным белорусским приметам, в новый дом надо сначала пустить кота (кошку)), поэтому можно предположить, что такое действие со стороны конкретного коммуниканта нежелательно. Образно слово в данном случае приравнивается к животному, которое без разрешения хозяев нарушило границы личного пространства.

Е. Одновременно белорусская фразеология зафиксировала случай, когда третье лицо успокаивает ссорящихся людей: *браць (узяць) на кант*, что характеризует третье лицо как активного участника коммуникации.

3. Фразеологизмы со значением третьего лица как объекта речи

А. Кроме роли субъекта коммуникации, в белорусском фразеологии мы выделили фразеологизмы, когда третье лицо выступает как объект разговора: *папасці (трапіць) на зуб* со значением «кто-то стал объектом внимания, критики, травли»; *ківаць на Пятра* в значении «сваливать вину на другого»; *закідваць слова* со значением «просить за кого-то».

Фразеологизмы *папасці (трапіць) на зуб* этимологически, возможно, связан с культовым древним обычаем поедания человека себе подобными.

Значительное количество в белорусской фразеологии составляют языковые единицы с обобщенным значением «делать третье лицо объектом беседы»: *браць на язык, за вочы* (у 1 зн.), *з языка не спускаць, камяні кідаюцца, на адрас (у адрас), на пахунак, падымаць на (язык) языкі*.

Часть этих фразеологизмов указывает на то, что третье лицо либо осуждают (*браць на язык, з языка не спускаць, камяні кідаюцца*), либо с него насмеваются (*падымаць на (язык) языкі*).

Образ фразеологизмов *злыя языкі, папасці пад гарачы язык*, берёт начало, на наш взгляд, с древней мифологической формы восприятия мира – противопоставления добра/зла как полярных моральных установок человека. В данных случаях язык становится символом субъекта речи (приём синекдохи), осуществляющего речевой акт с негативной интонацией.

Фразеологизм *памінаць добрым словам* указывает на то, что третье лицо вызывает положительные воспоминания. Так, согласно белорусской христианской этике, об умерших людях следует вспоминать только положительно [14, с. 34].

Б. Одновременно во фразеологии белорусского языка закреплены фразеологизмы с противоположным значением «третье лицо не является объектом беседы» *і куры не шэпчуць, і певень не пяе*.

Образная основа фразеологизма *і куры не шэпчуць (не пяюць, не кудахчуць)* соотносится с белорусскими представлениями о кудахтании курей, которое имело сокровальное значение. В белорусской мифопоэтической традиции курица считалась предсказательницей – её пение пророчило беду, даже смерть [12, с.27]. Проекция ситуации на межличностные отношения людей, даёт нам возможность предположить, что нормативным считалось не обсуждение третьего лица в его отсутствие в белорусской культуре общения.

Фразеологизм *і певень не пяе* соотносится с представлениями белорусов о том, что петух, как и солнце, своим пением «отсчитывает время» на границе дня и ночи, вещает и встречает рассвет. Кроме того, считалось, что пение петуха выступает средством распугивания нечистой силы, является своеобразным сигналом конца её «жизнедеятельности» [12, с. 27]. Внутренняя коннотация этого фразеологизма также даёт нам право говорить о чёткой нормативности моральных установок белорусского народа в речевой культуре, о запрете обсуждения человека в его отсутствие.

К этой группе мы, кроме указанных, отнесли фразеологизм *ні слуху ні духу (ні слыху ні дыху)* со значением «никаких сведений нет о кого-нибудь». Как отмечает И.Я. Горбачевич [13, с. 273-274], компонент «дых» употребляется в данной единице со значением «запах» человека. Это может подчеркивать тот факт, что вероятность возникновения взаимной симпатии при общении между коммуникантами связано с проявлением биологических качеств каждого человека, его собственного запаха, который может быть приятным / неприятным для собеседника.

Таким образом, рассматривая данную микросистему белорусской фразеологии, мы можем сделать следующие выводы:

1) речевое поведение и роль третьего лица нашли довольно широкое закрепление в белорусской фразеологии, позволив нам распределить языковой материал по признаку релевантности/нерелевантности третьего лица в ситуации

общения, третье лицо как объект коммуникации с более полной классификацией внутри каждой группы.

2) учитывая количественные показатели (отрицательный опыт даётся более полно), мы попытаемся вывести наиболее желательный образ третьего лица в белорусской фразеологии.

Итак, присутствие третьего лица во время общения препятствует коммуникантам говорить прямо и открыто; нежелательность осуществления речевого акта под воздействием третьего лица; третье лицо не должно вступать в качестве провакатора деконструктивного диалога (ссоры) коммуникантов; неприемлемо делать третье лицо объектом разговора других коммуникантов в его отсутствие; если в разговоре все же упоминается третье лицо, о нём можно говорить только положительно.

Как видим, речевое поведение и роль третьего лица в ситуации общения в белорусской культуре речи в значительной степени регламентированы, что отражается не только на поведении самого третьего лица, но и на отношении к нему со стороны других участников коммуникации. Особенность речевой культуры белорусского народа в данном случае проявляется не в наличии данных норм и установок речевого поведения третьего лица (они довольно типизированы), а широком спектре и особенностях закрепления этих правил именно в белорусской фразеологии.

РЕЗЮМЕ

Статтю присвячено вивченню особливостей мовленнєвої поведінки і ролі третьої особи в ситуації спілкування на матеріалі фразеологічних одиниць білоруської мови. Запропоновано класифікацію фразеологізмів зі значенням сфери третьої особи за ознакою релевантності/нерелевантності третьої особи у ситуації спілкування та третя особа як об'єкт комунікації з одночасним розглядом найбільш яскравих фразеологічних одиниць у категоріях лінгвокультурології.

Ключові слова: білоруська фразеологія, мовленнєва поведінка, третя особа, релевантність/нерелевантність третьої особи у ситуації спілкування, третя особа як об'єкт мовлення.

SUMMARY

The article is devoted to the studying the peculiarities of the speaking behavior in the form of the third person in the communication based on the material of the phraseological units of the Belorussian language. The offered the classification of phraseologisms with the meaning of relevance/non-relevance of the third person in the speaking behavior and the third person as a communicative object with the simultaneous regarding the most distinguishing units in the linguaculturalogical categories.

Key words: Belorussian phraseology, speaking behavior, the third person, relevance/non-relevance of the third person in the speaking behavior, the third person as a communicative object.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. В помощь аспирантам и соискателям — [Электронный ресурс]. — Режим доступа : www.aspirinby.org/index.php. — Загл. с экрана.
2. Ленец, А. В. Прагмалингвистическая диагностика особенностей речевого поведения немецкого учителя [Текст] : Автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. В. Ленец. — Пятигорск, 1999. — 15 с.

3. Алефиренко, М. Ф. Культурно-прагматический потенциал лингвокультурологии [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nnre.ru/kulturologija..hl5.php>. — Загл. с экрана.
4. Беларуская мова: энцыклапедыя [Текст] ; Беларус. Энцыкл., пад рэд. А. Я. Міхневіча; рэдкал. Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 1994. — 655 с.
5. Формановская, Н. И. Речевой этикет и культура общения : науч.-попул. [Текст] / Н. И. Формановская. — М. : Высш. шк. 1989. — 159 с.
6. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н. И. Формановская. — М. : Издательство «ИКАР», 2007. — 480 с.
7. Почепцов, Г.Г. Теория коммуникации [Текст] / Г.Г. Почепцов. — М. : Рефл.-бук: Ваклер, 2001. — 651 с.
8. Якалцэвіч, М. А. Камунікацыя і рыторыка. Праграма спецкурса для студэнтаў спецыяльнасці 1-210501 «Беларуская філалогія» спецыялізацыі 1-2105104 «Рыторыка» [Текст] / М. А. Якалцэвіч. — Гродна : Гродзенскі дзярж. ўн-т імя Я. Купалы», 2005. — 34 с.
9. Пивоварчик, Т. А. Речевые формулы с именем Бога в повседневной коммуникации [Электронный ресурс]. — Режим доступа : ksu.ru/fil/kn2/index.php?sod=15. — Загл. с экрана.
10. Беларусазнаўства : навук. дапаможнік [Текст] ; пад рэд. П. Брыгадзіна. — Мінск, 1997. — 118 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий [Текст] ; отв. ред. д-р. филол. наук В. Н. Телия. — М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.
12. Санько, С. Беларуская міфалогія : Энцыклапедычны слоўнік [Текст] / С. Санько ; скл. І. Клімковіч. — Мінск : Беларусь, 2006. — 599 с.
13. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў [Текст] / І. Я. Лепешаў. — Мінск : БелЭн, 2004. — 448 с.
14. Шапарова, Н. С. Краткая энциклопедия славянской мифологии: Ок.1000 статей [Текст] / Н.С.Шапарова. — М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Русские словари», 2003. — 624 с.